

Тем временем Берия приступил к расчистке сталинских завалов под строительство фундамента новой, собственной власти. Сталина Берия ненавидел, как мингрел ненавидит осетина, как потенциальная жертва ненавидит палача, как всезнающий шеф полиции ненавидит сюзерена. Он ненавидел Сталина настолько, что не смог скрыть чувств даже у постели умирающего. В те дни в Берии смешались ненависть, страх и пресмыкательство. «Как только Сталин свалился, – пишет отец, – Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Впрочем, как только Сталин, казалось бы, пришел в себя и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил руку и начал ее целовать. Как только Сталин снова потерял сознание, закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол».

«Только один человек вел себя почти неприлично – это был Берия, – вторит отцу Светлана Аллилуева. – Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были: честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент: как бы не перехитрить, как бы не недохитрить! Все это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного – отец иногда открывал глаза, – но, по-видимому, без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза: он желал и тут быть “самым верным, самым преданным”...»

Изменения начались буквально с похорон Сталина. 9 марта, прямо в Мавзолее Берия преподнес в подарок Молотову на его день рождения его собственную жену Полину Семеновну Жемчужину. Ее осудили, давно отправили в лагерь, но в 1952 году вернули в Москву, снова допрашивали, готовили к повторному процессу.

Сталин, по всей видимости, решил устроить над врачами-отравителями, а вслед за ними над всеми евреями показательный процесс и пристегнуть к ним через жену-еврейку «американского шпиона» Молотова. Вот Полину Семеновну и готовили к новой роли.

«Каганович сказал мне, – вспоминал Микоян, – что ужасно себя чувствует: Сталин предложил ему, вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газете групповое заявление с разоблачением сионизма. Это было за месяц или полтора до смерти Сталина – готовилось “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы».

Это заявление написали и подписали почти все сколько бы значимые еврейские деятели. Его опубликованию, как и судебному процессу, помешала смерть Сталина.

Возможно, конечно, что возвращение Молотову жены – не спланированная акция, а просто по-кавказски широкий жест Берии: «Бери, дорогой!». Кто знает? Скорее и то, и другое.

На следующий день после похорон Маленков, явно по «совету» Берии, на заседании Президиума ЦК сделал замечание идеологам Суслову и Пономареву, а редактору «Правды» Шепилову, записал выговор за «излишнее выпячивание его, Маленкова, личности на стра-

ницах газет» и, даже – прямой подлог: «Правда» опубликовала сделанное в 1949 году фото, Сталина и Мао Цзэдуна с вмонтированным между ними Маленковым.

– Это пахивает культом личности, – якобы заявил Маленков, – такую политику надо прекратить!

Берии было ни к чему «выпячивать» личность Маленкова. А вот другое воспоминание тех дней – кажется, апрельский, красочно-траурный, номер журнала «Советский Союз», весь заполненный фотографиями Сталина. Специальным решением Президиума ЦК его сняли с распространения. Перестарался и главный редактор «Литературной газеты» – сталинский лауреат и любимец, поэт Константин Симонов. Ему «указали» на излишнее рвение в оплакивании вождя.

К тому же, по Москве поползли слухи, что Маленков ни больше ни меньше как племянник Ленина. Дело в том, что фамилия матери Георгия Максимилиановича – Ульянова. К тем Ульяновым она не имела даже косвенного отношения. Ульяновых в России пруд пруди, но разговоры о «родстве» с вождем распространялись явно не случайно.

Не знаю, как Берия относился к культу личности вообще, но к культу личности Маленкова – явно отрицательно: фигура он переходная, и чем меньше примелькается его фотография на страницах газет, тем легче, когда истечет его время, отправить его в небытие. Но срок пока не истек.

С другой стороны, Берия не особенно доверял Маленкову, держал его на коротком поводке. Чиновничья Москва знала: ни одного сколько бы значимого решения Маленков без Берии не принимает. Они вместе часами сидели в кремлевском кабинете Маленкова, вместе принимали посетителей, вместе вершили дела. Все вместе, но и не совсем вместе. Если Маленков без Берии и шага сделать не смел, то Берия, напротив, считал удобным и выгодным для себя не только принимать единоличные решения, но распространять их не от имени Правительства или ЦК, а от своего Министерства внутренних дел и лично от себя.

Везде, где только возможно, подчеркивались: инициатива Берии, предложение Берии, записка Берии. Лаврентий Павлович знал, что делал, и делал все логично. Начал он свои сто четырнадцать дней с «кадрового вопроса». Уже 11 марта 1953 года Берия направляет Маленкову и Хрущеву записку о разгроме чекистских кадров, предлагает пересмотреть дела арестованных Сталиным работников госбезопасности и «принять решение об использовании их на работе в МГБ», в органах. Не дожидаясь формального согласия, он освобождает, но только «своих», чекистов.

С каждым Берия беседует лично, объясняет, кому они обязаны свободой, раздает им из секретных фондов «материальную помощь», назначает их на ключевые должности в «своем» МВД.

Первым, еще 10 марта (за день до отсылки записки в Президиум ЦК), вышел на свободу бывший главный телохранитель Сталина, Сергей Федорович Кузьмичев и тут же был восстановлен в старой должности начальника Управления охраны, с которой его и отправили за решетку по приказу Сталина. После обстоятельного разговора Берия поручает ему охрану, а значит, вручает судьбу высшего руководства страны.

Вслед за Кузьмичевым с тюремных нар в кабинеты на Лубянке пересаживаются десятки бериевцев, людей, на которых он мог рассчитывать во всем. Чекисты же не бериевского круга оставались до поры до времени в тюрьме. С ними Лаврентий Павлович предполагал «разобраться» позже.

Следом за решением «кадровой проблемы» Берия занялся своим собственным, «мингрельским делом». Оно возникло в 1951 году, вслед за Ленинградским и несостоявшимся Московским делами. Тогда по обвинению в создании «мингрело-националистической группы» начали арестовывать близких к Берии грузинских руководителей. Берия по национальности мингрел. За расследованием Сталин следил лично. Когда ему докладывали

о ходе дела, он не раз недвусмысленно «советовал» следователям: «Ищите Большого мингрела». Кто именно «Большой мингрел» догадаться нетрудно, но его так и не нашли. «Большого мингрела» следователи боялись даже больше, чем «Большого хозяина». И это несмотря на то, что после войны Берия формально отошел от прямого руководства карательными органами. Многие историки считают, что он вообще потерял контроль над ними. Согласно документам, назначенный в мае 1946 года новым руководителем госбезопасности генерал Виктор Семенович Абакумов докладывал лично Сталину и даже позволял себе интриговать против Берии. Формально все так и выглядит, Сталин всегда замыкал «органы» на себя и не допускал туда «посторонних». Но в конце 1940-х годов и Сталин уже был не тем, а Берия – отнюдь не вечно пьяный Ежов. К тому же, «отец народов» не вечен, а что случится после Сталина?... В органах не сомневались: после Сталина наступит власть Берии. Абакумов и его преемники лавировали, старались и Сталина ублажить, и Берию не прогневить.

«Сталин мог и не знать, но я убежден, что Абакумов не ставил ни одного вопроса перед Сталиным, не спросив у Берии, как доложить Сталину, – пишет отец в своих воспоминаниях о «Ленинградском деле», – Берия давал директивы, а потом Абакумов докладывал, не ссылаясь на Берию и получал одобрение Сталина».

Свидетельство отца «сверху» подтверждается и «снизу».

«Абакумов перед Берией заискивал, тогда как с Сусловым и Пономаренко (секретарями ЦК) был груб», – вспоминает полковник госбезопасности Александр Петрович Волков, начальник секретариата при Абакумове.

В июле 1951 года Сталин убрал Абакумова. Комиссию по расследованию его деятельности возглавили Маленков с Берией. Абакумова допрашивали в подчинявшейся лично Маленкову Сухановской тюрьме. Сталин посадил на место Абакумова близкого к Маленкову партийного чиновника Семена Денисовича Игнатьева, сохранив за последним курирование кадров в ЦК. Берия тут же приставил к нему двух своих «профессионалов»: первым заместителем министра госбезопасности стал Сергей Арсентьевич Гоглидзе, а просто заместителем – Василий Степанович Рясной. Вот и получалось: Игнатьев по линии ЦК ходил под Маленковым, а Гоглидзе с Рясным зависели от Берии.

Естественно, происходило все совсем неоднозначно. Когда Сталин дал команду Игнатьеву и министру Госбезопасности Грузии Николаю Михайловичу Рухадзе отыскать в Грузии изменников и якобы даже заявил, что «этим мингрелам вообще нельзя доверять», он, повторяю, имел в виду Берию. 9 ноября 1951 года Политбюро ЦК приняло Постановление «О взяточничестве в Грузии и антипартийной группе т. Барамия» (второй секретарь Компартии Грузии). В Постановлении говорилось, что мингрельская националистическая группа т. Барамии не ограничивается покровительством взяточников. Она преследует другую цель – захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии и выдвинуть на них мингрельцев, что существует целая группа мингрельцев в Грузии, обслуживающих разведку Гегечкори. Шпионско-разведывательная организация Гегечкори состоит исключительно из мингрельцев. (Е. П. Гегечкори – дядя жены Берии Нины Гегечкори, меньшевик, проживал в Париже.)

Казалось, песенка Берии спета. Рухадзе бросился исполнять приказ Сталина, арестовывал направо и налево, в начале 1952 года посадил в тюрьму бывшего помощника Берии, грузинского академика-историка Петра Афанасиевича Шарию, Генерального прокурора республики Шонию, своего предшественника на посту министра внутренних дел республики Авксентия Рапаву, – все мингрелы.

Тем временем Маленков с Берией «принимали меры».

В начале 1952 года Берия перехитрил самого Сталина, устроил так, что он сам «по его поручению» отправился в Тбилиси на поиски «Большого мингрела».

«И вот мингрельское дело, – пишет отец. – Я абсолютно убежден, что оно выдуманно лично Сталиным в борьбе с Берией. Но так как он уже был болен, то оказался непоследовательным в проведении намеченных планов, и Берия вывернулся, откупился кровавой поездкой в Грузию».

Берия жесткой рукой «навел порядок» в Грузии, в апреле 1952 года на Пленуме Грузинского ЦК, именем Сталина уволил от должности Первого секретаря, мингрела К. Н. Чарквиани, заменил его на «чистокровного» грузина Мгеладзе, даже посадил в тюрьму своего племянника Теймураза Шавдию, тоже мингрела. В начале войны он попал в плен к немцам, записался в Грузинский легион СС, откуда дезертировал и ушел во французские партизаны. Арестовали многих и многих других.

Устранение наиболее опасного своего противника, Рухадзе, Берия, по всей видимости, возложил на генерала госбезопасности Павла Анатольевича Судоплатова. В 1952 году Берия взял его с собой в Грузию. Общеизвестно, что Лаврентий Павлович поручал Судоплатову исполнение поручений особого свойства.

Генерал Судоплатов пишет об этой миссии очень осторожно, как и подобает разведчику, но при внимательном прочтении суть уловить можно. По его версии, он поехал в Тбилиси не с Берией, а по просьбе Секретаря ЦК Мгеладзе и с одобрения Сталина для организации похищения в Париже Е. П. Гегечкори и других грузин-меньшевиков. Докладывал Судоплатов лично Игнатьеву, а через него – Сталину, но не о мифических «меньшевиках», а о вполне реальном антибериевце Рухадзе. Судоплатов сообщил в центр: агентам Рухадзе нельзя доверять, они даже отказались говорить с ним по-русски.

«Рухадзе стал союзником Абакумова, – поясняет он в мемуарах, – который еще в 1946 году пытался скомпрометировать сначала бывших подчиненных Берии по разведслужбе, а потом и его самого. Я поспешил вернуться в Москву, чтобы доложить обо всем Игнатьеву, но принимать какие-либо меры Игнатьев не решился, – Рухадзе лично переписывался со Сталиным на грузинском языке, судить об этом могли только в «инстанции», то есть в ЦК, другими словами, Маленков с Берией.

Маленкову доложили, в том числе, о «большом интересе Рухадзе к интригам в партийной и правительственной верхушке».

Как конкретно Маленков с Берией распорядились с докладной, Игнатьева – Судоплатова мы не узнаем никогда, но Лаврентию Павловичу она сослужила хорошую службу. «Большого мингрела» так и не отыскали. В середине 1952 года слишком ретивый министр Рухадзе очутился в Лефортовской тюрьме.

Сразу же после смерти Сталина в марте 1953 года Берия лично освобождал из тюрьмы арестованных мингрелов и даже, со слов Шарии, пошутил: его-де посадил тот, кого академик всю свою жизнь славил, как «величайшего гения всех времен и народов».

Рухадзе же остался в тюрьме и после смерти Сталина.

Берии несказанно повезло, проживи Сталин еще годок-другой, Берии бы несдобровать. Раз уж Сталин за него взялся, то все его увертки могли задержать, но не удержать Сталина. В связи с этим некоторые «писатели», домысливая за историю, высказывают свою, альтернативную версию событий, происходивших на даче Сталина ночью 28 февраля 1953 года. Якобы тогда, чуя опасность, Берия умертвил Сталина. Благо уже арестовали верного Сталина начальника охраны Н. Власика, что тоже объясняется происками Берии, облегчившими ему устранение «хозяина».

Правда, те же «писатели», противореча самим себе, декларируют, что еще с 1945 года Берия утратил какое-либо влияние на госбезопасность и сам превратился из охотника в дичь. Как при этом он мог заниматься перестановками в «святая святых» – личной охране подозрительнейшего Сталина, остается без ответа. Концы с концами не сходятся.

Даже устранение Власика, а его арест инициировал сам Сталин, ничего не меняет. Ведь оставались многочисленные охранники-сталинисты, служившие ему душой и телом. Мы знаем об их настроениях по их собственным воспоминаниям. Заикнись кто-то, пусть сам Берия, о чем-то непотребном, они бы немедленно обо всем донесли Сталину.

Если отбросить в сторону сантименты, то сталинские телохранители, люди опытные, прекрасно понимали, что, убив Сталина, они подписывают и собственный смертный приговор. Таких свидетелей Берия в живых не оставит. Доложи они Сталину об измене его ближайшего соратника, и в тот же день, став героями, лейтенанты и капитаны превратятся в полковников и генералов. Берия понимал это лучше кого-либо другого.

Реже выдвигается уж вовсе детективная версия – не подсыпал ли Берия яд в бутылку с вином или, скажем, в харчо? Не подсыпал. Сталин раньше историков предусмотрел такую возможность и принял меры.

«За обедом на даче он никогда первым не прикасался к приглянувшемуся ему блюду, сначала потчевал кого-то из присутствовавших за столом, а себе в тарелку накладывал, лишь убедившись, что с гостем ничего не случилось», – рассказывал отец. Ему вторит Микоян, которого вместе с Берией, как специалистов-кавказцев, Сталин назначил дегустаторами вина. Никто не имел права сделать и глотка, не услышав их заключения. Микоян говорил, что дело тут не в их талантах, просто они могли иметь теоретический доступ к сталинским бутылкам, он сам как ответственный за пищевую промышленность, а Берия как куратор госбезопасности. Вот Сталин и давал им понять, что в случае чего они отравятся первыми.

Нет, не убивал Берия Сталина. Он, как Ворошилов, Микоян или Молотов ожидал своей участи. Им просто повезло, Сталин умер, а они остались жить.

Освободив своих людей из заключения и расставив их на ответственные посты в «своем» министерстве внутренних дел, Берия предложил провести более широкую амнистию. В ней нет ничего необычного, всякая новая власть обозначает свой приход амнистией. Берия, собственно, повторил сталинский трюк, когда после смещения в 1939 году Ежова и воцарения в госбезопасности Берии из лагерей и колоний выпустили свыше 327 400 человек. Тогда страна вздохнула с облегчением, а Берия, вслед за Сталиным, обрел репутацию избавителя от темных сил «ежовщины». Мало кто знал, даже в высшем руководстве, что одновременно с освобождением арестованных, посадили 200 тысяч человек, и это не считая депортированных из Западной Украины и Белоруссии поляков и националистов.

Тогда же, телеграммой от 10 января 1939 года, Сталин подтвердил, что «применение физического воздействия, допущенного к практике НКВД в 1937 году с разрешения ЦК» никто не отменял, «ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь... как совершенно правильный и целесообразный метод».

И сейчас Лаврентий Павлович замыслил нечто подобное. Действовал он оперативно. 26 марта 1953 года Берия направляет в Президиум ЦК записку с приложением проекта Указа Президиума Верховного Совета «Об амнистии». Получив ее, Маленков, без обсуждения, поставит предложение Лаврентия Павловича на голосование, и уже 28 марта все газеты на первых страницах опубликуют подписанный Ворошиловым указ. На первый взгляд кажется, что Берия допустил промашку. В народе амнистию связали с Климентом Ефремовичем, а не с Лаврентием Павловичем, прозвали ее «Ворошиловской». Но амнистия дивидендов Ворошилову не принесла. Из общего количества заключенных 2 526 402 человека освободили 1 181 264, в основном уголовников. В лагерях оставили досиживать 1 345 138 заключенных, в основном, политических – врагов народа. Амнистировали стариков, беременных женщин, крестьян, арестованных за «нелегальный» сбор в свой карман колосков на колхозных полях. Но и настоящих уголовников вышло на свободу немало. Страну захлестнула волна преступлений. В такой ситуации обыватель с радостью поддержит любые меры по «наведению

порядка». А уж кого сажать, когда наступит подходящий момент, решать Берии. Так что Лаврентий Павлович все рассчитал правильно.

В результате амнистии лагеря заметно опустели, почувствовалась нехватка рабочих рук и пришлось приостановить некоторые сталинские «стройки», такие, как прокладка железных дорог Салехард – Игарка, Красноярск – Енисейск, Байкало-Амурская магистраль, туннель между островом Сахалин с материком под Татарским проливом, Волго-Балтийский канал, и некоторые другие.

Одновременно с амнистией Берия дал команду начать подготовку к строительству новых лагерей. Другими словами, он считал, что вновь прибывшие не только заполнят освободившиеся места, но потребуются еще больше «посадочных» площадей. А дальше все вернулось бы на круги своя. И снова бы перетирались человеческие жизни в «лагерную пыль».

Пока уголовники покидали лагеря, в самих лагерях нарастало напряжение, заволновались политические: как же так, тиран умер, на свободу выпускают грабителей и убийц, а они продолжают сидеть за колючей проволокой? К маю волнения переросли в открытое неповиновение. 26 мая 1953 года в Норильском Особом горном лагере МВД СССР политические восстали, взяли в свои руки власть. Берия действовал как обычно, жестко и цинично, без колебаний и без жалости приказал давить людей танками.

Спровоцированные амнистией волнения в северных лагерях продолжались около трех месяцев и, несомненно, приблизили начало послебериевской реабилитации «политических».

Отец рассказывал, что вслед за амнистией Берия в качестве зондажа предложил еще одно «ослабление» – упразднить данное Сталиным ОСО право приговаривать к расстрелу, бессрочной ссылке, двадцати годам каторжных работ, а также по своему усмотрению продлевать срок отсидевшим свое политическим. Казалось бы, очень своевременная мера, вот только Лаврентий Павлович одновременно оставлял за собой никем не контролируемую возможность «применять меры наказания, не свыше 10 лет заключения в тюрьму, исправительно-трудовые лагеря и ссылки». Однако Берия никто не поддержал. Отец предложил вообще отобрать у МВД права судить и миловать. В результате не приняли никакого решения и тем самым сохранили старые права Особого Совещания при МВД. Правда, ненадолго. Сразу «после Берии» Президиум ЦК упразднит само «Особое Совещание» со всеми его правами.

Активность Берии в первые месяцы после Сталина впечатляет. «Заполучив власть, он передает часть лагерей и их обитателей из Министерства внутренних дел в другие ведомства: лагеря «общего пользования», – в Министерство юстиции, «Дальспецстрой» на Колыме, «Енисейстрой», Главное управление горнометаллургической промышленности – в Министерство металлургии, Институт «Гидропроект» – в Министерство электростанций. Получили свою долю ГУЛАГа и Миннефтепром, и Министерство путей сообщения, и Министерство промышленности стройматериалов, и Министерство лесной и бумажной промышленности, и Министерство морского и речного флота, и другие.

«Себе» Лаврентий Павлович оставил лишь особые лагеря, тюрьмы для государственных преступников (троцкистов, эсеров и националистов). Напомню, что под эту категорию в сталинское время подводили любого неугодного. Сохранились за госбезопасностью и места заключения шпионов, диверсантов, террористов (тоже очень растяжимые понятия) и военных преступников из числа военнопленных немцев и японцев. Всего за МВД сохранилось 220 тысяч заключенных.

Расформирование ГУЛАГа абсолютно логично. Теперь, когда вся страна лежала у его ног, ему больше не требовалось ни «конкурировать» с производственными министерствами, ни демонстрировать вождю, как «трудовые коллективы» и «шарашки» в его ведомстве производят больше и лучше, чем все эти «бездельники» на воле. А такое «соревнование» стало

настоящим бедствием перед войной и после нее. Арестовывали не за «что-то» и даже не «ни за что», а в связи с производственной необходимостью. Областным управлениям внутренних дел спускалась разнарядка на арест такого-то количества здоровых мужчин взамен «выбывших» с северного лесоповала или магаданских молибденовых шахт. Отдельно формировались «шарашки» – конструкторские и исследовательские организации за колючей проволокой, куда «набирались» специалисты по персональным спискам.

Андрей Николаевич Туполев рассказывал мне, как его сразу после ареста в 1938 году обязали начать проектирование нового бомбардировщика и поинтересовались, кто из бывших сотрудников может оказаться в этом деле полезным. Туполев ответил не сразу, напрягал память вспоминая, кто из них уже арестован, и он сможет вызволить их с «общих работ», с лесоповала и одновременно ненароком не назвать кого-либо еще находившихся на воле. Одно неловкое слово, и их тут же доставят к нему, за решетку.

Тогда же Берия, в пику Минавиапрому, приказал Туполеву спроектировать четырехмоторный дальний пикирующий бомбардировщик, способный атаковать английские линкоры в их собственных водах. Туполеву потребовалась вся его изворотливость, весь ум и немало времени, чтобы доказать техническую несостоятельность «изобретения» Лаврентия Павловича. Только с началом Второй мировой войны ему разрешили отложить реализацию идей Берии и под патронажем органов в «шарашке» приступить к созданию своего собственного фронтового двухмоторного бомбардировщика Ту-2. Многие сейчас забыли о Ту-2, а он был одним из лучших самолетов Второй мировой войны.

После войны сотни заключенных, от инженера до академика, «работали» в Москве на Ленинградском шоссе. Одни в КБ-1 Серго Берии, сына Лаврентия Павловича, делали ракеты, другие напротив, в здании «Гидропроекта», разрабатывали планы «покорения сибирских рек».

Сам Берия тем временем занимался организацией работ по созданию атомной бомбы. Сталин поручил ему возглавить эту наиважнейшую для него проблему, зная, что для Берии все возможно, его телефонные звонки заставляют трепетать самых могущественных и строптивых министров, а любимая присказка наркома «сотру в лагерную пыль» действует на директоров заводов и начальников конструкторских бюро эффективнее любых посулов и обещаний. Плюс к тому, Берия располагал неисчерпаемыми резервами рабочей силы. Все атомные производства, лаборатории и полигоны построены подневольным трудом заключенных и военных строителей. Разница между ними была невелика: и те и другие работали из-под палки. Только ученые-атомщики сохраняли свободу. Правда, и им Берия пообещал, что в случае провала первых испытаний атомной бомбы он найдет им замену, у него уже подготовлена новая команда, ну а их...

Считается, что слова о параллельной команде физиков-теоретиков и практиков лишь пустая угроза. Откуда ей взяться, если все наличные мало-мальски пригодные физики уже задействованы в исследованиях, возглавляемых Игорем Васильевичем Курчатовым.

И тем не менее такая команда физиков нашлась, и не где-нибудь, а в Московском университете. Возглавил ее декан Физического факультета, профессор А. А. Соколов. Входили в нее именитые в то время ученые: А. Максимов, Э. Кольман, В. Миткевич, Н. Костерин, А. Тимирязев и немало других. Они истово отрицали теорию относительности, не могли представить искривленного пространства и замедления течения времени. А уж то, что электрон и не частица, и не волна, да еще может в один и тот же момент находиться и тут и там, вообще не укладывалось ни в какие рамки. Они, воспитанные на принципах классического Ньютоновского детерминизма, причинно-следственной логики, не воспринимали Эйнштейновской «теории относительности», считали ее идеалистической заумью.

Это понятно, выше собственной головы не прыгнешь.

История науки знает множество подобных, основанных на «добротной логике», заблуждений. В свое время французские академики декретом засвидетельствовали, что камни-метеориты с неба упасть не могут. В 1930-е годы два немецких физика-традиционалиста, нобелевские лауреаты Иоханес Штарк и Филипп Ленарт апеллировали к властям с требованиями законодательно запретить теорию относительности и квантовую механику. На наше счастье, власти их услышали. А то, не дай Бог, Вернер Гейзенбер, тоже Нобелевский лауреат, в своей лаборатории сделал бы атомную бомбу, Гитлер сбросил бы ее на нашу голову. Не все способны воспринимать «сумасшедшие идеи». Не воспринимали их и Соколов с окружением, а не восприняв, прилагали все усилия, чтобы разделаться с Эйнштейновой ересью. В 1945–1946 годах писали бесконечные письма в ЦК, ссылались на жесткую критику Лениным Маха и других «идеалистов». В ЦК к ним прислушались. По их жалобе в 1949 году поручили провести специальное собрание в Академии наук с целью осудить и «выкорчевать извращения в отечественной физике».

Курчатову с трудом удалось отстоять свою команду. Он объяснил Сталину, что американцы сделали и взорвали свою бомбу, опираясь на теорию Эйнштейна, на квантовую физику, а у Соколова за душой нет ничего. Аргументация Курчатова, а главное «опыт», произведенный в небе Хиросимы, на Сталина подействовали. Он запретил какую-либо самостоятельность в атомном проекте, приказал бомбу скопировать с украденных разведкой американских чертежей и сбрасывать ее с точной копии американской летающей сверхкрепости Б-29. 31 января 1949 года Секретариат ЦК постановил «отложить Всесоюзное совещание физиков» как недостаточно хорошо подготовленное.

Однако Сталин не был бы Сталиным, если бы он до конца поверил Курчатову. На всякий случай он переправил письма Соколова Берии. Тот их внимательно прочитал и вызвал к себе Соколова, но следуя своим принципам, пока ничего ему не обещал. Он Курчатову верил, но не доверял, Соколову он не доверял и не верил, но все же... Так что, говоря о запасной команде, Берия знал, о чем говорил и имел в виду не замену одного академика другим, а замещение физиков идеалистов-релятивистов на материалистов школы Соколова.

Отмена антиэйнштейновского совещания не обескуражила Соколова и его сторонников. Они не унимались, писали в ЦК новые письма, теперь уже обвиняли в идеализме и прочих «грехах» руководство Академии наук, которое отказывалось встать на их сторону. И продолжали находить в некоторых инстанциях понимание.

В июле 1949 года их жалобу поддержал руководитель отдела Агитации и пропаганды ЦК Шепилов. Сохранилась записка, в которой он сообщил секретарю ЦК Суслову, что академик Вавилов, физик-оптик и президент Академии наук, «требует от своих подчиненных изучать иностранную физическую литературу, отвергает классическую физику, говорит о неприменимости понятий обыденной жизни в атомной физике. Получается, что в новой физике должны быть отброшены и такие неотъемлемые атрибуты материи, как пространство и время».

Время сработало против Соколова. Осенью 1949 года Курчатов взорвал свою бомбу, и Берия потерял к Соколову всякий интерес. Он остался во главе Физического факультета, но академическое совещание, несмотря на проведенные сорок два подготовительных заседания, решили окончательно отменить.

Тем не менее борьба Соколова с учеными-нетрадиционалистами в физике продолжалась еще не один год. Курчатов решил не связываться ни с Соколовым, ни с Московским университетом. Он просто организовал под себя и для себя Московский инженерно-физический институт (МИФИ), а о Соколове забыл.

Зато Соколов не забыл о Курчатове. Он продолжал бороться с Эйнштейном, с Курчатовым, с собственными профессорами и студентами до тех пор, пока не настроил против себя всех. В декабре 1953 года на имя Хрущева и Маленкова ушло письмо за подписями мини-

стра среднего машиностроения Вячеслава Александровича Малышева, министра культуры Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, президента Академии наук Александра Николаевича Несмеянова и академика-секретаря физико-математического отделения Мстислава Всеволодовича Келдыша с просьбой помочь им совладать с Соколовым.

На письме сохранилась помета: «Тов. Хрущев ознакомился. 12 декабря 1953 года». В том же декабре 1953 года создали комиссию во главе с Малышевым, заклятым врагом Соколова, но Соколов сопротивлялся до августа 1954 года. Его освободили от должности за несколько дней до испытаний новой водородной бомбы. На факультет возвратились изгнанные Соколовым «физики-идеалисты» Лев Андреевич Арцимович, Михаил Александрович Леонтович, Исаак Кушелович Кикоин, Лев Давидович Ландау, Лукьянов (к сожалению, не знаю его имени и отчества), Александр Иосифович Шальников. Их сейчас знают все, а вот Соколова подзабыли.

Он не сдался и после 1954 года. Я читал теоретические опусы профессора Соколова, отпечатанные в типографии МГУ в шестидесятые и, кажется, в семидесятые годы. Потом он исчез и с моего горизонта.

Но возвратимся к событиям весны 1953 года. Через неделю после амнистии Президиум ЦК решает «реабилитировать и освободить из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому делу врачей-вредителей, 37 человек, и утвердить прилагаемый текст сообщения». Прилагаемый текст сообщения подготовил Берия, и не от имени Президиума ЦК, а от своего. В печать он пошел как информация Министерства внутренних дел.

В том, что дело врачей, как и все остальные антиеврейские эксцессы Сталина, не имеет под собой почвы, никто из нового руководства не сомневался. Просто Берия опередил других. Он все увереннее чувствовал себя «хозяином» и демонстрировал стране, что он, Берия, и его МВД восстанавливают справедливость. Такое не забывается.

Все увереннее ощущая себя новым «хозяином», Берия засыпав Президиум ЦК предложениями, записками, проектами, приступает к чистке союзных республиках, замене поставленных Сталиным руководителей на своих – бериевских. Посмотрим, как все это происходило.

Начну с воспоминаний Нуритдина Мухитдинова, в начале 1953 года он возглавлял правительство Узбекистана.

«В последние дни апреля 1953 года Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Амин Ирматович Ниязов, собрав секретарей и членов бюро ЦК, сообщил нам, что поступила записка Л. П. Берии. Характерно, что записка пришла, минуя ЦК, прямо из секретариата Берии в Министерство внутренних дел республики», – пишет Мухитдинов. В ней предлагалось, вернее предписывалось провести «узбекизацию» руководящих кадров республики и почти поголовную их замену, и все это под патронажем Министерства внутренних дел.

Мухитдинову «записка» не понравилась, вызвав опасения, что такие действия приведут «к столкновению людей на почве национальной и территориальной принадлежности».

«Если записка спущена нам из Москвы, – возразили Мухитдинову присутствовавшие на заседании члены Бюро, – мы должны отнестись к ней со всей серьезностью». Наиболее рьяные хотели тут же составлять списки, готовить предложения о замене руководителей, вплоть до совхозных, русских, украинцев и всех прочих на узбеков.

«А что станет с товарищами, родившимися в Узбекистане, но не узбеками? – не унимался Мухитдинов. – И что ожидает узбеков, живущих и работающих в Таджикистане, Киргизии, Туркмении, Казахстане? Они тоже станут там людьми второго сорта, бесправными».

Решение так и не приняли. На следующий день Мухитдинову последовал звонок из Москвы, его предупредили, что он будет разговаривать с Лаврентием Павловичем Берией.

– Ты почему выступил против моей «записки», – не поздоровавшись, грубо спросил Берия.

В ответ Мухитдинов изложил свою точку зрения. Берия, не дослушав, оскорбил его, обругал, пригрозил, что снимет с работы, «сотрет в порошок», и бросил трубку. 3 мая, сразу после майских праздников, Берия реализовал свою угрозу, позвонил Ниязову и потребовал гнать Мухитдинова из Совмина. Ниязов начал «тянуть», позвонил в Москву, в ЦК. Хрущев посоветовал ему не торопиться, поставил вопрос о Мухитдинове на Президиуме ЦК. Голоса на заседании разделились: Хрущев, Ворошилов, Молотов и Булганин сомневались в целесообразности смещения Мухитдинова с должности. Берия поддерживали Маленков, Каганович и Микоян.

Вопрос завис. Должность Председателя правительства – номенклатура Президиума ЦК КПСС, и без его согласия уволить Мухитдинова не могли. Но Берия не привык, чтобы ему противоречили, не мог позволить кому-то ревизовать его решения. Иначе какая это власть? Он решил настоять на своем.

«События продолжали развиваться, – пишет Мухитдинов. – Вечером 7 мая Ниязову позвонил Хрущев. “Мы подумали, – голос его звучал несколько смущенно, – и чтобы не обострять, согласились с предложением Берии. Мухитдинов молодой, еще поработает на высоких постах”.

Указ о моем освобождении опубликовали 8 мая, утром.

После ареста Берии меня восстановили на прежнем месте работы – вновь назначили Председателем Совета Министров республики».

8 мая Берия направляет записку о недостатках в работе органов госбезопасности Литвы, а 18 мая – аналогичную записку по Украине. 20 мая Президиум ЦК обсуждает предложения Берии и «поручает» ему подготовить проект постановления.

26 мая Президиум ЦК принимает, практически без обсуждения, под диктовку Берии, постановление о Литве и Украине. Упомяну его основные положения. Это назначение на руководящие посты республиканских представителей исключительно коренной нации, формирование национальных воинских подразделений, введение «республиканских» орденов, не говоря уже о переводе всего делопроизводства на национальные языки. Постановление подлежало немедленному и неукоснительному исполнению.

2 – 4 июня на Пленуме Украинского ЦК меняли руководство Республики. Из Первых секретарей ЦК убрали Леонида Георгиевича Мельникова как не украинца, на его место Берия собирался посадить драматурга Александра Евдокимовича Корнейчука, не только не политика, но человека трусливого, чьим кредо всегда являлось исполнение воли начальства.

Главой республики его все-таки не сделали. 26 мая 1953 года при обсуждении на Президиуме ЦК проекта Постановления по Украине отцу удалось вместо Корнейчука продвинуть кандидатуру Алексея Илларионовича Кириченко, как более опытного и знающего партийного работника. Берия решил открыто не конфликтовать с Хрущевым, пошел на компромисс. Он здраво рассудил, что пока сойдет и Кириченко, а потом... Потом будет видно...

Корнейчука оставили «на подхвате». В упомянутое выше «совершенно секретное» постановление Президиума ЦК КПСС «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» следующим пунктом после «рекомендации» замены Мельникова на Кириченко записали: «Тов. Корнейчука А. Е. на пост первого заместителя Председателя Совета Министров Украинской ССР».

Одновременно его избрали в члены Президиума ЦК Компартии Украины. На Пленуме Корнейчук разразился славословиями в адрес Берии, нового, как полагал, «хозяина». Однако будем справедливы, в тот день не только Корнейчук, но и новоиспеченный Первый секретарь Кириченко всюю превозносил мудрую политику партии в национальном вопросе и лично «нашего дорогого Лаврентия Павловича». Стенограммы этих выступлений сохранились.

До того времени отец не могу сказать дружил, но хорошо относился к Корнейчуку. Да иначе и быть не могло, Сталин открыто протезировал молодому драматургу, отражающему

партийную линию в своих пьесах. В Киеве Корнейчук часто бывал у нас на даче, правда, не более часто, чем другие украинские писатели и поэты. Из них я запомнил Павла Тычину, Максима Рыльского. Корнейчук, Сашко, как его звали окружающие, мгновенно становился душой компании, улыбался, шутил, в меру лицедействовал.

Особенно отец сблизился с Александром Евдокимовичем и его женой Вандой Львовной Василевской, во время войны. Они тогда по поручению Сталина колесили по фронтам, писали пьесы на злобу дня. Во всех театрах шли «Фронт» и «Радуга» – агитки, но в то время очень нужные. После войны приятельство переросло в настоящую дружбу, по крайней мере, отец верил, что они друзья. В 1949 году они первыми узнали о решении Сталина перевести его из Киева в Москву. Вот как он описывает их реакцию: «Когда я вернулся от Сталина, Василевская и Корнейчук, находившиеся в Москве, зашли ко мне. Я рассказал им о состоявшемся разговоре. Ванда Львовна расплакалась, буквально разрыдалась. Я никогда не видел ее в таком состоянии».

На выступление Корнейчука на Пленуме ЦК Компартии Украины отец отреагировал спокойно: «Корнейчук неправильно понял, почему его кандидатура была выдвинута, и начал говорить всякие словеса в пользу Берии. Не сообразил, ради чего он так старается». Внешне отец к нему не изменился, но в гости приглашать практически перестал.

8 июня Берия отсылает в ЦК новую записку, теперь уже «О неблагополучии в Белоруссии», без промедлений, 12 июня 1953 года Президиум ЦК принимает представленное Берией Постановление по белорусизации республики, «рекомендует» на пост первого секретаря республиканского ЦК взамен русского Николая Семеновича Патоличева белоруса Михаила Васильевича Зимянина.

Одновременно Берия, вопреки существовавшим тогда правилам, своим приказом (он же «хозяин») уволил белорусского министра внутренних дел и всех его заместителей. Формально назначение и увольнение министров входило в юрисдикцию Президиума ЦК КПСС, потом оно дублировалось Постановлением республиканского ЦК и реализовывалось в виде Указа Президиума Верховного Совета республики. Но это формально. На деле Сталин сначала решал, а затем уже все эти органы штамповали его решение. До июня Лаврентий Павлович форму соблюдал, теперь почему-то решил, что может действовать без санкции Президиума. Может быть, просто посчитал, что пришла пора.

Министр белорусского МВД Михаил Иванович Баскаков, прослышав из кулуарных разговоров на Лубянке о подготовленном Берией увольнении, побежал к шефу, но не к Берии, а к Первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии Патоличеву. Последний ничего не знал и поспешил на разведку в Москву. Его без промедления приняли и Хрущев, и Маленков, но ситуацию не прояснили. Патоличев позвонил Берии, но тот его проигнорировал. Николай Семенович вернулся в Минск ни с чем. В 20-х числах июня ему позвонил Хрущев и распорядился готовить Пленум ЦК Компартии Белоруссии, на нем его, Патоличева, планировали освободить от должности. Пленум назначили на 25 июня. Вопреки традиции, никто из высоких московских начальников в Минск не поехал, Патоличеву предстояло самому себя уволить.

25 июня на Пленуме Патоличева раскритиковали в пух и прах. Голосование перенесли на следующий день. Однако 26 июня Берия в Москве арестовали, необходимость «оздоровления» властных структур в Минске отпала.

Вслед за Белоруссией Берия готовил записку о Латвии. Как оказалось, последнюю. Кроме Берии ее подписал и Хрущев. Из каких соображений, сказать затрудняюсь, но судя по дате, скорее всего из тактических. В середине июня заговор против Берии начинал обретать очертания, и возможно, отец пошел к нему в соавторы, чтобы усыпить бдительность. Или Лаврентий Павлович тоже из тактических соображений попросил отца поставить подпись. Так или иначе, в Ригу ушло указание о переводе всего делопроизводства на латышский язык

и отстранении от дел лиц не латышской национальности, в первую очередь, не владеющих латышским языком. Предварительный список на увольнение состоял из ста семи фамилий.

Но в Риге, как и в Минске, реализовать указания Москвы не успели, Берию арестовали, и все его распоряжения автоматически потеряли силу.

Не менее энергично Берия действовал в восточно-европейских странах. И здесь он начинал кадровую чистку. 12 июня Берия наорал на Матиаса Ракоши – руководителя Венгрии, он не пригрозил смешать его с лагерной пылью, но был к этому очень близок. На место Ракоши он собирался посадить Имре Надя, приказал сделать его главой Венгерского правительства и передать в его руки бразды правления. На вопрос Ракоши, что же останется за ним, главой правящей партии, Берия ответил: «Кадры и пропаганда». Возразить Ракоши не посмел. Это потом Имре Надь проявит строптивость и даже возглавит оппозицию, тогда же он, завербованный органами еще в тридцатые годы агент НКВД «Володя», сотрудник Коминтерна, представлялся Берии своим человеком.

Слова Берии о роли правящей партии, ее руководства отцу весьма не понравились. Он сам стоял во главе правящей и единственной партии, Президиум которой осуществлял верховную власть в стране и не намеревался позволить кому-либо, даже Берии, менять сложившуюся структуру власти.

Еще более драматические события развернулись вокруг Германской Демократической Республики (ГДР). В 1952 году Сталин приказал приступить там к ускоренному строительству социализма. Строили по-сталински: насильно сгоняли бауэров в колхозы, разоряли кирхи. Реакция немцев на все эти безобразия мало отличалась от реакции российских крестьян в начале 1930-х годов. Разве что они не восставали открыто, а мирно перетекали на Запад, уходили в Западную Германию, благо строго охраняемой границы между двумя зонами оккупации, советской и американской, не существовало.

Берия полагал, что «продав» ГДР Западу, он завоюет их сердца. Однако сам выступать с таким предложением Лаврентий Павлович не считал правильным, в конце апреля «посоветовал» проявить инициативу министру иностранных дел Молотову. Тот взял под козырек и 3 мая направил на имя Председателя Правительства Маленкова предложения «отказаться от строительства социализма в ГДР <...> и, в соответствии с Потсдамскими соглашениями, Германскую политику СССР сосредоточить на реунификации всей Германии, на мирной и демократической основе», другими словами, на американских условиях и в американских интересах. Маленков разослал послание Берии, Хрущеву, Булганину, Кагановичу и Микояну. К тому времени Берия не только сам ощущал себя «первым», но и остальные члены высшего руководства один за другим признавали его лидерство. 5 мая на Президиуме ЦК обменялись мнениями, точка зрения Берии, казалось, возобладала. Но только казалось. Отец считал неправильным вот так за здорово живешь отдавать Германию американцам, но открыто возразить Берии поостерегся. Решил поговорить с Молотовым тет-а-тет после заседания. Он объяснил, почему считает такую политику ошибочной и выразил недоумение, зачем он, Молотов, выступил с этой инициативой. Внутренне Молотов с Берией тоже не соглашался, но противиться ему не смел. После разговора с отцом он воспрянул духом. 10 мая Молотов посылает Маленкову записку диаметрально противоположного содержания, требует «укрепления политических и экономических позиций ГДР как части социалистического лагеря, надежного союзника Советского Союза».

Положение в ГДР 27 мая снова обсуждали на Президиуме ЦК, а потом к нему вернулись еще раз 2 июня. Берия и Маленков продолжали проталкивать пункт об отказе от социализма в ГДР и форсированном объединении Восточной Германии с Западной. Им возражал осмелевший Молотов, его поддерживал отец. Завязалась перепалка. В результате приняли компромиссное постановление «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР», но без спорного пункта «о социализме». В нем немцам предлагалось не торопиться

с колхозами, не завышать плановые задания, а советская сторона обязывалась помочь ГДР продовольствием. Берию сопротивление коллег не обескуражило, в том, что они в конце концов подчинятся, он не сомневался. Без санкции Президиума он направил в Германию «своих людей» готовить почву к смене курса в Восточной Европе и налаживать связи на Западе. Обеспокоенное руководство ГДР бросилось в Москву за разъяснениями. 13–14 июня на встрече с восточными немцами Берия повторил свои тезисы. Ульбрихт, человек упертый и принципиальный, резко возразил Лаврентию Павловичу. Последний не стерпел и «наорал на товарища Ульбрихта и на других немецких товарищей, так, что стыдно было слушать», пригрозил выгнать Ульбрихта в чертовой матери, если тот не изменит своей позиции. Слухи распространяются быстро. Когда Ульбрихт возвратился в Берлин, там все уже знали и не сомневались – дни Вальтера сочтены.

Тем временем в Берлине заволновались рабочие-строители, возводившие на месте разрушенной бомбардировками союзников Унтер-ден-Линден помпезную Сталин-аллею. Брожение началось еще до поездки Ульбрихта в Москву, 11 июня, когда решением Правительства ГДР на 10 процентов увеличили нормы выработки. Дело неприятное, но не трагическое. Однако, как это часто получается, когда левая рука не знает, что делает правая, берлинский магистрат своей властью поднял нормы еще на 25 процентов. Мало того, желая как можно быстрее завершить строительство, местные власти припугнули, что не выполнивших новые нормы – еще и оштрафуют на 35 процентов от заработка. От такого произвола рабочие взвыли. 11 июня у здания больницы на Сталин-аллее они начали сидячую забастовку.

К вечеру 15 июня строители Сталин-аллеи уже требовали отмены всех несправедливых решений, пригрозив в противном случае всеобщей стачкой. Упрямый Ульбрихт стоял на своем: никаких уступок. Надо отдать должное, по возвращении из Москвы Ульбрихт сам не очень представлял, что с ним случится завтра, но держался твердо, чего не скажешь о его ближайшем окружении. Неопределенность в период кризиса, особенно неопределенность в высшей власти очень опасна, а порой и смертельна.

В семь утра 17 июня строители Сталин-аллеи призвали берлинцев к забастовке. Улицы запрудили демонстранты, власти запаниковали, а заместитель премьер-министра ГДР, председатель Христианско-Демократического Союза Восточной Германии Отто Нушке то ли сам сбежал, то ли не особенно сопротивлялся, когда его увезли в Западный Берлин. Новый главнокомандующий советскими войсками в Германии генерал-полковник Андрей Антонович Гречко, он только десять дней тому назад сменил на этом посту героя Сталинграда генерала армии Василия Ивановича Чуйкова, тоже поначалу растерялся, однако, получив приказ из Москвы продемонстрировать силу, но без открытия огня, в 12.30 вывел на берлинские перекрестки и ведущие к городу дороги танки с расчехленными орудиями. Оккупационная армия – не шутка. После окончания войны прошло не так уж много времени, и немцы не воспринимались нами как друзья и союзники. В народной памяти они оставались, потерпевшими поражение врагами. Применение к ним в случае неповиновения оружия – в порядке вещей. Немцы тоже правильно оценивали свое положение, на рожон не лезли, силу и порядок они уважали. И тем не менее, без жертв не обошлось. В столкновениях демонстрантов с полицией с обеих сторон погибло, по одним сведениям, человек двадцать-тридцать, ранено около трехсот, по другим: убито – восемь, ранено – сто и задержано тысяча триста человек. Цифры разнятся в зависимости от симпатий и антипатий авторов.

Отец воспринял происходившее в Берлине очень болезненно: почему рабочие выступили против своей же, рабочей власти? Причину он видел не столько в глупости местных властей, неоправданно повысивших нормы выработки, сколько в непоследовательности нашей собственной политики в отношении Германии, особенно в области экономики.

Наши бывшие союзники не только отказались от своей доли репараций, предусмотренных актом капитуляции Германии, но и помогали своим новым западногерманским союз-

никам в рамках плана Маршалла. В западных зонах оккупации экономика быстро восстанавливалась, а мы тянули из ГДР все, что могли, нужное и ненужное. Неудивительно, что восточные немцы жили хуже западных. И главное, считал отец, мы должны твердо заявить о поддержке ГДР, недопустимости ее слияния с Западной Германией. Неопределенность порождает неуверенность, неуверенность перерастает в недовольство, а тут еще перебои со снабжением, и в довершение всего – самодеятельность берлинских властей с нормами выработки. И конечно, западные спецслужбы сыграли свою роль.

Исправлять положение принялись незамедлительно. Уже в августе 1953 года подписали с ГДР протокол о прекращении с 1 января 1954 года взимания репараций с Восточной Германии. Казалось бы, кризис разрешился, все стало на свои места. Об уступке ГДР американцам больше не вспоминали.

Сейчас кое-кто считает такую позицию ошибочной. Им кажется, согласись Советский Союз на объединение Германии, и все проблемы с американцами отпали бы сами собой, в наших отношениях настала бы тишь и благодать. Я с ними согласиться не могу. Советский Союз тогда претендовал на роль мировой державы, добивался признания своего равенства с США. Потеря неопережимого с позиций геополитики плацдарма в центре Европы подрывала баланс сил в Европе и в мире, низводила СССР на уровень даже не регионального лидера, а просто страны обширной, но малозначительной. Германия – системообразующее государство на Европейском континенте, и она изначально не могла оставаться нейтральной. Это очень хорошо понимал тогдашний Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес.

Именно поэтому Вашингтон на предложение Сталина от 10 марта 1952 года создать общегерманское правительство, провести общегерманские выборы и придать новой Германии нейтральный статус, ответил однозначно «нет». И как бы подтверждая свое негативное отношение к самой идее германского нейтралитета, американцы заключили 26 мая 1952 года Боннское, а 27 мая того же года Парижское соглашения, легализовавшие создание в ФРГ профессиональных, союзных Вооруженных сил, подчиняющихся НАТО.

Тем самым прагматичный и реалистичный политик Даллес обозначил четкую границу между двумя группировками, ту черту, переступив которую можно нарваться на серьезные неприятности. Даллес называл свою политику «политикой на грани войны», но он очень хорошо знал, где проходит эта грань, переступать ее он не позволял себе и не рекомендовал это делать другим. Отец ценил его определенность, считал мир, в котором стороны четко обозначили свои позиции, безопаснее непредсказуемой уступчивости, дезориентирующей оппонентов и в конце концов могущей привести к военному столкновению или капитуляции.

Уступки только возбуждают аппетит, противная сторона начинает требовать еще и еще. Мне трудно предположить, что Лаврентий Берия умышленно, как впоследствии Михаил Горбачев, вел дело к капитуляции, сдаче всех своих позиций в мире, когда дела пошли по известному нам теперь сценарию: слияние ГДР и ФРГ, вступление объединенной Германии в НАТО, но логика взаимоотношений на мировой арене неумолима. Вот только произошло бы это не в девяностые, а пятидесятые годы XX века, не после окончания холодной войны, а в ее разгаре.

Даллес от «подарка», естественно, не отказался бы; балансируя на грани войны, он одновременно провозглашал политику «откусывания» от Советского блока одного за другим союзников, до тех пор, пока не самоустранится с мировой арены геополитический соперник США – Советский Союз.

Если бы Советский Союз тогда не капитулировал, то конфронтация с Западом возобновилась бы, но в условиях, когда передовые рубежи НАТО приблизились бы к границам СССР на несколько сотен километров.

В объединенной Германии берлинские волнения 1953 года, по истечении полувека, переименовали в восстание, в котором принимало участие чуть ли не все население ГДР.

Восстание 17 июня 1953 года стало таким же символом в Германии, как в Советском Союзе октябрьский, 1917 года, «залп Авроры» или июньский, 1945 года, парад Победы, когда немецкие знамена были повержены перед Мавзолеем. У каждого народа и времени свои символы. В пылу мифотворчества договорились до того, что военнослужащие советских оккупационных войск в своей массе сочувствовали немцам, а двадцать пять советских солдат, даже отказались стрелять по восставшим, за что командиры их расстреляли на месте и закопали у дороги. «Нашли» даже подходящие скелеты, правда, непонятно – 1953 или 1945 года захоронения.

Чушь невероятная! Я уже не говорю о том, что приказ советским войскам открывать огонь не отдавали, но положить в мирное время четверть взвода, без суда и следствия, без особистов, без военного прокурора, без трибунала? На такое не решился бы ни командир батальона, ни командир полка, ни командир дивизии. Сами бы пошли под трибунал. Откопанные же при расширении дороги скелеты скорее всего принадлежали жертвам боев 1945 года, немецким фауст-патронщикам или погибшим перед самой победой нашим солдатам.

Но это по форме, а по существу – в июне 1953 года в Германии служили 18 – 20-летние советские парни, дети войны, успевшие испытать на своей шкуре все «прелести» немецкой оккупации, и вдруг они переходят на сторону немцев! Представить себе такое невозможно. Тогда в наших душах все немцы оставались извергами, преступниками, несмотря на противоположные утверждения политически корректной пропаганды. Я сам, человек того же возраста, 2 июля 1953 года мне исполнилось 18 лет, не испытывал к немцам никакого сочувствия. Если бы солдатам оккупационных войск не приказали, а просто разрешили стрелять, то они, в чьих сердцах еще не погас огонь отмщения, не колеблясь порешили бы половину населения ГДР, не задумавшись ни на минуту, что восточные немцы теперь нам союзники.

Если бы такую историю выдумали немцы, я бы на нее скорее всего внимания не обратил. Объединенная Германия создает мифы о своем прошлом, и в таких случаях герои лепятся из подручного материала, хотя бы из костей, случайно обнаруженных в придорожной канаве. Но эту выдумку на полном серьезе восприняли и в России, растиражировали по всей стране. Непонятно, почему германская мифология становится частью российской истории.

Давайте теперь вернемся на пару месяцев назад и посмотрим, как складывались отношения Берии с другими членами высшего руководства. К апрелю Берия уже чувствовал себя настолько «хозяином», что порой утрачивал бдительность или, если хотите, чувство меры в отношении пока еще равных ему коллег по Президиуму ЦК.

«В апреле 1953 года в поведении Берии я стал замечать перемены, – пишет генерал госбезопасности Судоплатов, – разговаривая в моем присутствии, а иногда и других офицеров, с Маленковым, Булганиным, Хрущевым, он открыто критиковал членов Президиума ЦК, обращался фамильярно...

Однажды, зайдя в кабинет Берии, я услышал, как он спорит с Хрущевым. Развязный тон Берии в разговоре с Хрущевым озадачил меня: раньше он никогда не позволял себе подобных вольностей, если рядом находились подчиненные».

К началу июня Берия начал открыто игнорировать Президиум ЦК и даже своего непосредственного «начальника» – Председателя Совета Министров. К примеру, единолично подписал распоряжение правительства об испытаниях в августе 1953 года водородной бомбы. Это решение не только не обсуждали, но Берия посчитал дело настолько секретным, что не проинформировал даже Маленкова.

Некоторые историки настаивают на праве Берии подписать решение об испытаниях, он в правительстве с 1945 года курировал атомные дела, ему и карты в руки. Логика весьма сомнительная. Так и декларацию об объявлении войны можно отнести к чисто техническим документам. В любом государстве устанавливается иерархическая процедура приня-

тия решений. Согласно установленным в то время правилам, разрешать или не разрешать испытания, запускать ли новый танк или самолет в производство – прерогатива Президиума ЦК. Бессмысленно обсуждать – правильно ли это, неправильно. Если неправильно, то закон надо изменить, но никак его не нарушать. Ставя свою подпись, Берия еще раз демонстрировал коллегам, кто «хозяин» в стране; он, как ранее Сталин тем самым указывал, куда им позволено «совать свой нос», а куда доступ заказан. Так что решение это не техническое, а очень даже политическое.

В первые недели и даже месяцы вал инициатив Берии задавил его «товарищей» по новому руководству страной, они еще не ощущали себя полновластными членами нового руководства и по привычке голосовали «за» без обсуждения. Тем более что председательствовавший на заседаниях Президиума ЦК Маленков и не приглашал их к дискуссии. Как только Берия заканчивал говорить, он торопливо восклицал: «Ставлю вопрос на голосование. Предлагаю поддержать. Кто “за”?» Все голосовали «за».

Не один Судоплатов, но и члены Президиума ЦК ощущали изменения в поведении Берии. К концу мая они стали настолько явными, что вольно или невольно возникало беспокойство за свое собственное будущее. Даже Маленков, человек неглупый и, главное, лучше других знавший Берию, при всей слабохарактерности все чаще начинал задумываться. Но сделать первый шаг никто не решался. Вот если бы... Тогда...

Инициативу проявил отец. В мае он сделал первый, очень осторожный шаг, поговорил с Маленковым. Не отколов его от Берии, рассчитывать на успех не приходилось. Хорошо зная и Маленкова, и Берию, ежедневно общаясь с ними, отец видел: Маленков уже не тот, что в марте, и тяготится зависимостью от Берии, и откровенно боится его. Боится, но ничего не предпринимает и ничего не предпримет. Его надо подтолкнуть. Но как? Поставь вопрос в лоб, он может из трусости донести «хозяину», а это конец.

Отец подошел издали, поднял, казалось бы, абстрактно-процедурный вопрос ведения заседаний Президиума ЦК. Он предложил Маленкову не сразу голосовать, предложение, а, соблюдая демократию, дать коллегам по коллективному руководству высказаться, может быть, покритиковать выступившего. Фамилий отец не называл, но что речь идет о Берии, догадаться было нетрудно. Маленков не возразил. Тогда отец уже напрямую заговорил о Берии и предложил: «Мы с тобой составляем повестку дня заседания Президиума. Давай поставим острые вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берией, и станем возражать ему. Я убежден, что мы тем самым мобилизуем других членов Президиума». Маленков согласился, я был, честно говоря, и удивлен, и обрадован... На одном из заседаний мы аргументированно выступили против... Другие тоже нас поддержали, и идеи Берии не прошли. Так получилось подряд на несколько раз. После этого Маленков обрел надежду, что оказывается с Берией можно бороться... Мы увидели, что и Берия стал форсировать события».

Как понимать слова о форсировании Берией событий? Готовил ли Берия государственный переворот? В прямом смысле этого слова – навряд ли. И уж точно он не собирался арестовать весь состав Президиума ЦК 27 июня 1953 года в Большом театре на опере А. Шапорина «Декабристы». О такой возможности пишут некоторые историки, забывая, что и Сталин, и Берия арестовывали своих жертв поодиночке, по ночам, а не скопом в людном месте. И не к чему Берии устраивать классический переворот, если власть в стране и так в его руках? Он, естественно, планировал «смену состава» в Президиуме ЦК, но со временем и постепенно.

Не двигал Берия к Москве и дивизии МВД. Это тоже, на мой взгляд, выдумка историков. Какие еще дивизии, если в самой Москве дислоцировалась самая преданная дивизия имени Дзержинского?

К захвату власти Берия готовился исподволь, принимал свои меры. В недрах своего ведомства он, втайне от Президиума ЦК, создал 30 мая 1953 года особый, подчиненный непосредственно министру, то есть ему самому, 9-й разведывательно-диверсионный отдел, так называемое Бюро специальных заданий. Его начальником назначили генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, разведчика-террориста, начавшего свою карьеру в тридцатые годы убийством в Германии одного из лидеров украинских националистов Коновальца, а позднее устранившего самого Льва Давидовича Троцкого.

«Я должен был иметь в своем распоряжении бригаду спецвойск особого назначения, и получил возможность мобилизовать все силы и средства на случай чрезвычайных ситуаций», – спустя десятилетия вспоминает генерал Судоплатов.

Берия, как это можно понять даже через полувековую завесу времени, доверял Судоплатову настолько, насколько он вообще доверял кому-либо. Судоплатов служил ему верой и правдой, еще раз доказал свою преданность «хозяину» в 1952 году, по ходу мингрельского дела. Я уже писал о нем. «На случай чрезвычайных ситуаций» Берия не мог подобрать лучшей кандидатуры. Судоплатов срочно вызвал в Москву лучших профессионалов, «специалистов по разведке и партизанским операциям», показавших класс не на одной «ликвидации», в том числе Наума Эттингтона, одного из его соратников в ликвидации Троцкого.

В своих мемуарах генерал Судоплатов уверяет, что его спецотдел не имел ничего общего с планами Берии, да и планов Берия никаких не вынашивал, ориентировал спецотдел на диверсии в странах НАТО, и только в случае войны.

У меня нет оснований не верить генералу Судоплатову, так же, как и верить ему. Берия не посвящал его в свои политические планы, но Судоплатов так много и подробно пишет о подготовке в июне 1953 года нападений на натовские базы в Европе, что поневоле начинаешь сомневаться. Скорая война против НАТО в планы Берии не входила, иначе бы он не жертвовал Восточной Германией ради умиротворения Запада. Нет, в те дни Берию тревожили не натовские дела, а ближайшие соратники...

Одновременно с созданием спецподразделения ликвидаторов-убийц, Берия восстановил «Лабораторию Х». Ее когда-то создали по прямому решению правительства (то есть Сталина) и возложили на нее разработку ядов для устранения неугодных лиц. Возглавил лабораторию полковник медицинской службы Майрановский. В 1937–1947 годах и в 1950 году Сталин время от времени пускал в дело наработки лаборатории Майрановского. В 1951 году сверхподозрительный Сталин Майрановского арестовал. Судоплатов пишет, что после смерти вождя Берия решил освободить Майрановского, но не успел. Он так же утверждает, что его, Судоплатова, власть на «Лабораторию Х» не распространялась. Разумно, Берия предпочитал замыкать на себя как Майрановского с его ядами, так и Судоплатова с его ликвидаторами. Позднее, уже после ареста Берии, отец рассказывал: все они, члены Президиума ЦК, висели на волоске, а «ножницы Судоплатова» держал в своих руках Берия. Когда в Президиуме ЦК узнали о спецотделе, о «Лаборатории Х» и совершенных ими операциях, то «ликвидаторов» во главе с Судоплатовым изолировали.

В июне 1953 года отец, как и все остальные члены Президиума ЦК, ничего не знал о создании «нового структурного подразделения» МВД, но он интуитивно ощутил, что промедление смерти подобно и решил идти ва-банк, напрямую поговорить с Маленковым. О том, что пришла пора от Берии избавиться, они с Булганиным обсудили все раньше и пришли к согласию. Вот только без Маленкова их согласие мало что значило. Начиная разговор с Маленковым, отец волновался, но тот легко согласился: «С Берией надо что-то делать». Так возникла инициативная «тройка» – Хрущев, Булганин, Маленков. После согласия Маленкова отец уже почти не сомневался в успехе, все остальные члены Президиума ЦК Берию ненавидели и боялись, сомнение вызывал только Микоян, никогда не знаешь, что у него на уме.

Отец договорился с Маленковым и Булганиным поодиночке прощупать членов Президиума. Как поступить с Берией, арестовывать его или нет, они не решили, но в душе понимали, что оставлять его на свободе смертельно опасно, правда, слово «арест» пока не проносили.

День за днем

Не могу сказать, что я догадывался о происходившем, все вершилось в глубокой тайне. К тому же в мои восемнадцать лет меня больше интересовали друзья и наступающие каникулы. А что там происходит за кремлевскими стенами? Что надо, то и происходит. А происходило многое.

После смерти Сталина страна начала меняться, сначала еле заметно, а затем все быстрее. Сталина поминали часто, но без былого придыхания. В газетах печатали такое, о чем год назад и помыслить не могли. И не печатали то, чем еще несколько месяцев назад полностью были забиты их полосы. Практически перестали клеймить сионистов и безродных космополитов, а ведь еще в январе 1953 года ведомственная типография МВД отпечатала и распространила брошюру на тему: «Почему евреев следует переселить из городов в сельскую местность?»

На финишную прямую вышли буксовавшие последние месяцы переговоры о заключении мира в Корее, начался обмен пленными, гражданских и военных.

1 апреля объявили об очередном снижении цен. К нему привыкли и его ждали.

25 апреля «Правда» опубликовала полный текст недавнего выступления президента США Эйзенхауэра в Национальном пресс-клубе.

11 мая без купюр, напечатали выступление Черчилля в Палате общин Великобритании. Новое советское руководство демонстрировало явное стремление начать диалог с Западом.

В первой декаде июня крейсер «Свердлов» прибыл в Великобританию для участия в параде в честь коронации Елизаветы II. Это первый такой визит после начала холодной войны.

25 июня объявили подписку на очередной Государственный заем развития народного хозяйства на сумму 15 миллиардов рублей. Добровольно-принудительно подписывались все, в том числе и мы, студенты, отдавали месячный заработок, порой два, иначе сумму в 15 миллиардов со скудных зарплат тех лет (в 400–500 рублей) не собрать. Займы ввели Постановлением Совнаркома 1 июля 1940 года. Считалось, что эти деньги помогут ускоренному росту экономики, страна станет богаче и без труда вернет заем. Сроки погашения установили в двадцать лет. Отечественная война смешала планы, деньги пошли не на развитие экономики, а на разгром врага, потом на восстановление разрушенного войной. Сумма займов год от года росла. Одновременно росла и сумма выплат за выигрыши, разыгрываемые несколько раз в году по облигациям займа. К 1953 году суммарные выплаты приблизились к сумме ежегодных заимствований. Государственный заем все больше походил на финансовую пирамиду.

В Москве достраивали высотки, и не только высотки. Газеты отрапортовали: за 1952 год жилья сдали почти в два раза больше, чем в 1949 году.

114 дней Лаврентия Берии (Окончание)

Антибериевский заговор вошел в заключительную фазу в период берлинских событий. Отец, Маленков, Булганин поодиночке переговаривали со всеми членами Президиума ЦК, с «болотом». Все они, еще вчера и даже сегодня безоговорочно поддерживавшие Берию, с готовностью присоединились к отцу и его союзникам. Молотов пошел дальше всех, настаивал не просто на отстранении Берии от власти, но на его немедленном аресте. Собственно, арест напрашивался сам собой. Они ощущали себя заложниками Берии: стоит ему мигнуть, и их собственная охрана, подчинявшаяся непосредственно Берии, немедленно арестует своих охраняемых. Плюс в распоряжении Берии полк охраны Кремля, плюс дивизия имени Дзержинского, плюс, плюс, плюс...

Не допуская возможности покушения на собственную власть, Берия проглядел или не обратил внимания на подозрительную активность отца и иже с ним. В июне он продолжил чистку МВД в Москве и республиках, начали шерстить и зарубежную агентуру. Увольняли всех заподозренных в нелояльности новому «хозяину». В одной только ГДР из 2 800 сотрудников советской разведки и контрразведки заменили 1 700 человек.

Региональные управления МВД получили указание собирать информацию о деятельности местных администраций и по секретным каналам связи МВД пересылать ее Берии. Начальник 1-го спецотдела МВД Александр Семенович Кузнецов уже во время суда над Берией сообщил: «Берия приказал мне связаться со всеми начальниками управлений МВД и передать им его указание сдать на хранение в центр оперативно-агентурные материалы, собранные на руководящих работников, партийных и советских органов, в том числе на руководителей партии и государства. Такие материалы мы получили, составили опись, которую к 25 мая вместе с рапортом на имя Берии передали Заместителю министра Богдану Кабулову».

Однако не все начальники управлений «честно» выполнили приказ Берии. С мест те, кого еще не успели вычистить, звонили в ЦК, жаловались, предупреждали: что-то затевается. Одного такого не вычищенного Берией начальника управления внутренних дел Львовской области генерала Тимофея Амвросиевича Строкача отец упоминает в своих воспоминаниях. Получив по своей линии приказ собирать компрометирующие материалы на местных советских и партийных руководителей, он отказался его выполнять без санкции секретаря обкома. «Тогда Строкачу позвонил Берия и сказал, что если он станет умничать, то превратится в лагерную пыль». Строкач угрозы не испугался и обо всем доложил секретарю обкома Зиновию Тимофеевичу Сердюку. Зиновий Тимофеевич немедленно позвонил Хрущеву.

Отец знал Сердюка с 1938 года. Тогда в обезлюдевшем после арестов 1937 года Киеве отцу пришлось одновременно возглавлять республиканский ЦК, правительство и Киевский обком партии. В обкоме ему приглянулся тридцатипятилетний смывленный, расторопный Сердюк. Он стал правой рукой отца, а на следующий год его избрали Секретарем Киевского обкома. С тех лет они дружили. «Сигнализировал» в Москву к тому времени уже уволенный Берией министр МВД Белоруссии Баскаков.

Какие-то историки не находят в приказе Берии особой крамолы, на то они и госбезопасность, чтобы собирать, накапливать в своих архивах различные сведения. При этом забывается или умалчивается, что тем самым Берия продолжал сталинскую методику руководить страной не в соответствии со сложившейся властной иерархией, а посредством «органов»,

когда глава местных органов госбезопасности, по существу, довлел и над партийной, и над советской властью. Здесь принципиальное расхождение Берии и Хрущева, который хотел сломать такую схему и в соответствии с Уставом партии и Конституцией страны вернуть утерянные полномочия обкомам, а через них и Советам.

Если во главе региона, республики, страны стоит полицейский – это полицейская диктатура. Если воинский начальник – это диктатура военная. Пусть и формальный переход власти к выборному, беспартийному или даже партийному органу, даже при тогдашней безальтернативности выборов, – это первый шаг к демократии. Еще не демократия, а только шаг к ней, но без него нечего и думать о преобразовании диктатуры в нечто цивилизованное.

Отец твердо намеревался такой шаг сделать и в этом кардинально расходился с Лаврентием Павловичем.

Стекавшаяся к отцу информация день ото дня становилась все тревожнее, убеждала, что необходимо действовать, и как можно скорее. В Президиуме ЦК он пришел к соглашению со всеми, кроме Микояна, но требовались еще хоть пара дней для последних приготовлений. Требовалась и особая осторожность, в «дело» вовлекалось все больше людей, отец опасался, как бы Берия чего-то не заподозрил.

Помогли волнения в Германии, Берия занялся наведением порядка в Берлине. Помнится, он даже летал туда. В 1953 году я не мог знать о планах Берии, и отец о его «командировке» в Берлин ничего не говорил. Однако слухи в то время или позднее ходили. Поэт-сталинист Феликс Чуев в своих записях «застольных бесед» с Молотовым приводит слова Вячеслава Михайловича: «Может быть, перед этим Берия был в Берлине на подавлении восстания, – он молодец в таких случаях... Возможно, он вылетал туда, этого я не знаю, не помню...»

Вот и Молотову «кажется», но и он точно не помнит. Исключать вероятность поездки Берии в Берлин я не стал бы, но рассекреченные архивы свидетельствуют: Берия в Берлине не появлялся, послал туда специальную группу во главе со своим заместителем, главой военной контрразведки Сергеем Гоглизде. Можно предположить, что имя Берии запретили упоминать. Вот оно и не попало в документы. Не знаю. Предполагать можно все...

Так или иначе, к 26 июня приготовления подошли к концу. Берию решили арестовать в Кремле на рутинном заседании Президиума Совета Министров. Его обычно проводили по пятницам. На сей раз договорились, что сразу по открытии его объявят заседанием Президиума ЦК. Для этого в Кремль, под предлогом обсуждения относящихся к ним вопросов пригласили членов Президиума ЦК, обычно в заседаниях Совета Министров не участвовавших. Утром того дня Булганин в своей машине провез в Кремль, тайно, с оружием, так чтобы охрана ничего не заподозрила, группу верных им с отцом военачальников во главе с командующим ПВО Москвы генералом Москаленко, человеком исключительной, но не безрассудной храбрости, и заместителем министра обороны маршалом Жуковым (напомню, что после сталинской «высылки» сначала в Одесский, а затем и в Уральский военный округ Г. К. Жуков был возвращен в Москву и назначен первым заместителем министра обороны по инициативе Хрущева).

Москаленко, как и все генералы, органы не любил, всю войну провоевал с отцом. Отец посчитал, что ему можно довериться в таком деле. Жуков люто ненавидел Берию, считал его не только одним из инициаторов своей послевоенной опалы, но и палачом, по чьей вине погибали в тюрьмах до войны, во время войны и теперь, в мирное время, высокие военные чины, и не только генералы. Жуков с Москаленко прихватили с собой еще несколько преданных генералов и полковников. Всех с оружием. Казалось, предусмотрели все, но отец нервничал. Уезжая в то солнечное теплое июньское утро на заседание Президиума ЦК, он положил в карман пистолет. На всякий случай. Изменив своим привычкам, он также сменил

обычный лимузин на бронированный. Тоже на всякий случай. От обычной утренней прогулки в тот день отец отказался и попросил ему не мешать.

Рано утром к нему приехал Микоян. Они более двух часов уединенно просидели в саду на скамеечке, о чем-то оживленно разговаривали. Я их наблюдал с веранды дачи.

Отец намеренно отложил разговор с Микояном на последний момент, чтобы потом не выпустить его из-под контроля до самого заседания. Отец хорошо изучил Анастаса Ивановича, ценил его ум и принципиальность, причудливо сочетающиеся с необычайной изворотливостью. На кого ставит Микоян? Ответа не знал никто, кроме самого Микояна. Отец опасался, вдруг Анастас Иванович не согласится с арестом Берии. Вдруг он переметнется на его сторону, и тогда все пропало. Шанс такого развития событий невелик, но все же... Нельзя допустить даже малейшей возможности провала. Отец оказался прав, Микоян не возражал, но и не соглашался, считал, что «Берия действительно имеет отрицательные качества», но – он «не безнадёжен, в составе коллектива может работать». Это была совершенно особая позиция, которую никто из нас не занимал, и она очень беспокоила отца, но «пора было кончать разговор, времени оставалось только на то, чтобы прибыть на заседание. Мы уехали вместе в машину и уехали в Кремль. Перед началом заседания Микоян зашел в свой кабинет...»

Анастасу Ивановичу разговор в саду на даче в Усово запомнился несколько иначе.

«Я слушал внимательно, – пишет Микоян, – удивленный таким поворотом дела и спросил: “А как Маленков?” Хрущев ответил, что Маленков на его стороне. Я с трудом ему поверил, – продолжает Анастас Иванович, – Маленков – игрушка в руках Берии, фактическая власть не у Маленкова, а у Берии, то как же Хрущев его переагитировал?»

Микоян согласился с освобождением Берии с поста руководителя госбезопасности, из заместителей главы правительства и поинтересовался: «Что вы хотите с ним делать дальше?» – «Назначим его министром нефтяной промышленности», – ответил Хрущев.

«Я одобрил это предложение, – продолжает развивать свою версию разговора Микоян, правда, добавил, в нефти он мало понимает, но организатор, как показала война и послевоенный период, хороший. В коллективном руководстве он сможет быть полезным. Что касается перевода Берии в нефтяную промышленность, то, скорее всего, Хрущев сказал мне это нарочно», – предполагает Анастас Иванович.

И правильно предполагает. Слова Микояна о полезности Берии в будущем коллективном руководстве отца просто перепугали. Но дело сделано, оставалось дожидаться начала заседания Президиума ЦК.

По приезде в Кремль Микоян один зашел к себе в кабинет, отец занервничал: а что если Микоян сейчас снимет трубку и позвонит Берии? Не позвонил.

Я не стану пересказывать, как арестовывали Берия, так же, как не пересказывал все перипетии разговоров отца с членами Президиума ЦК при подготовке акции. Я там не присутствовал, а о тех драматических днях и часах написано все, что возможно, как участниками событий, так и теми, кого там и близко не было. Мне добавить нечего. Наиболее достоверным я считаю рассказ отца, он повторял его многократно и единообразно, и, что особенно ценно, по горячим следам, когда все еще было свежо в памяти. Остальные свидетели и несвидетели описывали происходившее спустя почти полвека. За десятилетия в памяти многое искажается и одновременно подстраивается под современное, «правильное» толкование прошлого.

Скажу только, что все произошло на удивление спокойно и буднично. Никто за Берия не вступился. Его отвезли сначала в Московскую гарнизонную гауптвахту, а оттуда – в штабной бункер Москаленко, где соорудили нечто вроде временной тюрьмы. Москвичи среагировали на еще не объявленный официально арест Берии своеобразно, решили, что грядет

грабительский обмен денег, как в 1947 году, десять к одному или того похуже. Началась паника.

«Ни к одной сберкассе нет доступа, – записал в дневнике писатель Корней Чуковский. – Хотел получить пенсию, не смог, на телеграфе в очереди к сберкассе пять тысяч человек. Закупают всё – ковры, хомуты, горшки. Исчезло серебро. В магазине роялей возмущаются: “Что за черт, не дают в одни руки три концертных рояля”. В метро и трамваях придерживают сдачу. Столица охвачена безумием, как перед концом света».

28 июня министр финансов Зверев в «Правде» увещевал читателей, что менять деньги никто не собирается. Ему, естественно, не поверили, но деньги остались прежними, и паника постепенно улеглась.

В июле 1953 года собрали Пленум ЦК. На нем присутствующие дали волю своим чувствам. Особенно честили Берию военные, и первый среди них – Жуков. Через полгода, в декабре, Берию и его ближайших подручных судили по Указу от 1934 года, принятому после убийства Сергея Мироновича Кирова и введившему ускоренное и до предела упрощенное судопроизводство. Официальные обвинения тоже предъявили, следуя сталинско-бериевскому трафарету. Берии вменили в вину мыслимые и немыслимые грехи, вплоть до шпионажа в пользу Англии.

В признании Берии английским шпионом скрывается горькая ирония. В хорошем настроении Лаврентий Павлович любил рассказывать байку, как в августе 1941 года Сталин вдруг заинтересовался: «Где генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков?»¹³

– Сидит, – улыбнулся Берия. – Признался, что шпионил на Англию.

– Какой он шпион? – показушно возмутился Сталин. – Война идет, а он сидит. Мог бы фронтом командовать. Вызовите Мерецкова и поговорите с ним.

Измордованного и униженного Мерецкова привезли на Лубянку, привели в кабинет Берии. Берия любезно предложил генералу не стул для допросов, а кожаное кресло. Тот покорно сел и уставился в пол.

– Мерецков, какие глупости ты написал, – с садистской веселостью завел разговор Берия. – Какой ты шпион? Ты честный человек.

– Я все сказал, – не поднимая глаз отвечал генерал. – Я собственноручно написал: «Я английский шпион. Зачем вы меня снова допрашиваете?»

От этого разговора Мерецков не ожидал ничего хорошего, что-то у них тут поменялось, жди новых зуботычин и пыток. Он решил стоять на своем.

– Это не допрос, – потешался Берия. – Ты не шпион. Ступай в камеру, посиди, подумай, поспи. Я тебя еще вызову.

«На второй день я снова вызвал Мерецкова, – рассказывал Берия. – Спрашиваю его: “Ну как, подумал?” Он стал плакать, признался наконец, что он не английский шпион. Его выпустили, одели в генеральскую форму и отправили командовать фронтом в Ленинград».

И вот теперь Берию самого судили как английского шпиона. Приговорили его к смерти, конечно, не за шпионаж, а за то, о чем в тот 1953 год боялись даже заикнуться. В приговоре нет ни слова об арестах и пытках, о подозрениях в заговоре против существующей власти.

В осуждении Берии по Указу от 1934, с помощью которого он сам отправлял на смерть и страдания тысячи и тысячи людей, мне видится некая историческая закономерность и справедливость. После Берии его уже не применяли ни к кому.

Расстрел Берии – тоже последнее жертвоприношение сталинской эпохе, совершенное сталинскими же методами, но во имя очищения от сталинизма. Кровавая эпоха завершилась судом над кровавым палачом по правилам, установленным им же.

¹³ Санкцию на арест Мерецкова Сталин подписал в июне 1941 года, арестовали его уже после нападения Германии на Советский Союз.

После оглашения приговора, как тогда рассказывал отец, генералы даже поспорили за право привести его в исполнение немедленно.

Право расстрелять Берию предоставили генералу Павлу Батицкому, человеку богатырского сложения, своими ручищами он мог запросто задушить, разорвать недавнего вершителя человеческих судеб. «Присутствовали члены суда Николай Александрович Михайлов, первый секретарь Московского обкома партии; Николай Михайлович Шверник, Председатель ВЦСПС; Роман Андреевич Руденко, Генеральный прокурор СССР; генерал Москаленко с адъютантом, сам Батицкий, еще кто-то, – вспоминал через почти полвека комендант Московского округа ПВО майор Хижняк. – Врача не было. Стояли они метрах в шести-семи. Батицкий достал “парабеллум” и выстрелил Берии прямо в переносицу».

О содеянном генерал Батицкий никогда не сожалел.

Так закончилась эпоха Берии.